

Студенты Ульяновского госуниверситета предлагают всем желающим стать участниками виртуальной акции, рассказать семейные истории о войне, вспомнить живых и погибших героев-ветеранов, семейная память о которых стала частицей большой истории. Самые интересные сюжеты из фронтовой жизни – на сайте ulpolk.ru.

Анатомия фронтового треугольника

Татьяна ВАСИЛЬЧИКОВА.

Письма моего дяди, старые, старые письма. Дядя Боря, брат моей матери, незримо сопровождал меня все мое детство. Я росла, а ему всегда было столько же лет. Бабушка часто плакала о нем, значит, помнила. В память о нем мама соблюдала в среду и пятницу строгий пост – значит, тоже всегда помнила. Он был с нами, но не среди нас, живущих. Он погиб 8 апреля 1945 года под городом Данцигом. Теперь это польский Гданьск. Погиб, чтобы между нами и Германией была польская территория. Остались только письма. Солдатские фронтовые "треугольники"...

Удивительная деталь истории, письмо с фронта, свернутое по регламенту в треугольник. Особый мир фронтовой почты. Это фраза "фронтовой треугольник" стала нарицательной. Это – символ войны...

"Воинское" – написано на письме. Оно же является конвертом – если свернуть так называемым воинским треугольником. Поэтому есть "демаркационные линии" с двух сторон – поля и надписи: "Выше (ниже) линии не писать". Адрес отправителя: полевая почта 30693 ("проверено военной цензурой" и номер цензора – "10700"). Здесь же динамичная картинка: с обнаженными штывами и одинаковым суровым выражением лиц наши устремлены вперед. На фоне танков, идущих в том же направлении, и покрытых елками гор. Лозунг – как эпитафия ко всему письму: "Смерть немецким захватчикам!". Агитационная картинка иллюстрирует здесь же помещенное стихотворение В. Лебедева-Кумача:

*Мы идем! Никакие преграды
Не помогут укрыться врагам!
Перед нами синеют Карпаты,
Никуда не уйти от расплаты,
От суда не уйти палачам!
Горы, реки, леса и долины
Мы за зверем фашистским пройдем.
Пусть он мечется в злобе звериной,
Пусть ползет он в берлоги Берлина –
Мы найдем его там и добьем!*

"Моя жизнь протекает по-старому, пока никаких со мной происшествий не произошло. Все идет хорошо". Недовольство выражено только в адрес природы:

"Природа в Пруссии какая-то плохая. Много болот, озер и часто стоит непогода, грязь непролазная".

Связано ли это с военной цензурой или это на самом деле так, но автор уверен в скором окончании войны. Может быть, просто утешает родных: "Наши разведчики много достают "языков", от которых узнают, что у них какая-то паника и не хотят воевать немцы. Возможно, скоро закончится война".

Такого же мирного тона и спокойного содержания следующее письмо – отцу, Василию Михайловичу, который жил в это время отдельно от семьи. Датируется 22 февраля 1945 года, написано, как и первое, химическим карандашом. Конверт не сохранился, но это не треугольник, а листочек в квартиру обычного листа:

"...стоял в обороне, теперь сняли нас на отдых, жизнь моя протекает как обычно у военного человека, ни в чем отказа не имеем, живем очень хорошо, всего вдоволь".

Чистосердечно и наивно двадцатилетний мальчик указывает и источник изобилия: "Вообще как посмотришь, сколько добра в этой Пруссии есть, то прямо жутко и где мало разрушено". Стандартный патристический лозунг со знакомой лексикой содержится только в одном из писем, от 14 декабря 1944 года: "Мы сейчас готовимся к решающему наступлению, чтобы разбить врага в его собственной берлоге, так что попрум немца до самого Берлина и поставим флаг победы..."

Письмо датировано 12 декабря 1944 года, а получено, судя по штампу, 5 января 1945 года. Ровно за три месяца до гибели адресата.

Отплакала свой век его красивая седая мама, давно уже спит она рядом со своим мрачноватым молчуном за тысячами километров от братской могилы своего мальчика, своего Бореньки. Спит давно и его черноволосая сестра, моя мама, ставшая иссохшей измученной старухой, спит совсем в другой точке земного шара. Не выберешь ни место рождения, ни место упокоения. Хорошенькому мальчику с семейной фотографией, его младшему брату "Мишелю", – 78 лет. Борису же всегда двадцать. И видимо, поэтому с годами, сама взрослея и старея, я стала ощущать его как своего собственного рано умершего ребенка. Мальчик мой, Боренька! Оборванная твоя двадцатая весна, весна 1945 года!

*Здравствуйте дорогие
Мама, Бяна, Миша и Алик!!!
7/III-45гоу Привет с фронта из пруссии
Мама, поздравляю тебя с праздником*

Фотографии не для аукциона

Олег САМАРЦЕВ.

Тогда я не знал, что это дорогой подарок. Евгений Халдей – легендарный фотограф, который вошел в историю мирового фотоскуства множеством репортажных и художественных фото Великой Отечественной войны, но тремя совершенно эпическими, бессмертными символами Победы: фотографией знамени над рейхстагом, портретом безымянной регулировщицы и каноническим фото эмблемы дивизии "Адольф Гитлер", склоненной советским бойцом у Мавзолея на Параде Победы. Он подарил мне эту фотографию в 1987-м – мы делали фильм о Победе – а напечатал ее в темной комнате на фотокартоне в мае 45-го. С поверженными штандартами, узнаваемую фотографию вечности... Это только сейчас я узнал, что аутентичные фото Халдея продаются на аукционе Сотбис за хорошие деньги. Но даже узнав, продавать не стану. Пусть она будет со мной. Она бесценна...

Таких бесценных фотографий немного. У моего сына было два прадеда, которые оставили после себя память на совсем многочисленных фото. Он иногда рассматривает эти пожелтевшие и хрупкие документы, и я полагаю, как-то эмоционально взрослеет. Вот фото солдат, датированное 43-м, артиллерийский расчет... Это мой дед, прадед моего сына. Иван Кириллович Самарцев. Раненый в бою под Кёнигсбергом, Прусская операция. Он был подчистую комиссован в самом конце войны. Суровая медицинская комиссия военного времени приняла решение, что этот солдат дальше служить не может. Мужик был взрослый – уже 34, и он хотел драться за Родину. Командир его части, посмотрев заключение и диагноз, вздохнул:

Ефим ФРИДМАН.

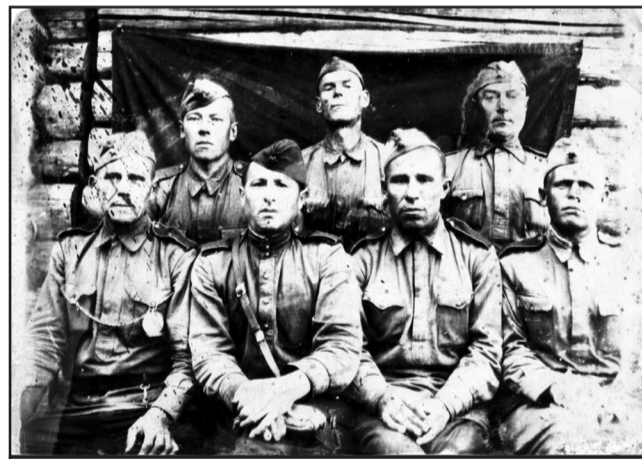
– Куда тебе, Ванька, воевать. Ты же инвалид почти. Дома посиди, подлечись, все бабе твоей полегче будет, детишек опять же трое...

– Войну без меня закончат, пока лечусь, что я, как последний... (не привожу здесь крепкого дедова слова). Деду тогда помогли повоевать дальше: определили практически комиссованного командира артиллерийского расчета старшего сержанта Самарцева в прачечный батальон – обстирывать бойцов на передовой. Не слишком почетно, но около войны. Потом все же комиссовали... Закончил войну в 45-м...

Другая фотография из рассекреченного после перестройки архива. Второй прадед моего сына – Ефим Маркович Фридман, старший лейтенант НКВД. Ефим Фридман был пограничником, а потом – разведчиком-незаконником... Однажды его жена – еще до войны – услышала по радио, как звучал легкий и запоминающийся баритон победителя смотря Дальневосточного военного округа – ее мужа: "Скажите, девушки, подружке вашей...", но сам он был далеко, в служебной командировке...

Талантливый пограничник, хотя и имел нарекания за скверный характер и "невоздержанность в оценке" товарищей и политики партии (они остались в его личном деле), оказался в Европе... В костюме, пошитом у модного портного, он пел в кафешантанах Варшавы, где ностальгировала русская эмиграция и имитировали ностальгию волкодавы из Абвера и шестого управления РСХА. Он был пажоном и немного авантюристом. В репертуаре – классическое танго, ранний Вертинский, ностальгический декадентский шансон... Публика ходила "на Ефима" с его золотым баритоном, кричала "Браво!" и требовала петь снова и снова... Он был популярен среди варшавской богемы, ему прочили карьеру на большой сцене. Вернулся он с задания в 41-м.

В самом начале войны старший лейтенант украинского НКВД Ефим Фридман уже был на фронте. Войска госбезопасности в полном составе бросили на защиту Киевского рубежа. Шли ожесточенные сражения с дивизиями группы армий "Юг" и танковыми частями

Иван САМАРЦЕВ (второй слева в первом ряду).

Гудериана. В конце июля раненый солдат принес с фронта записку: "Немедленно уезжай из Киева. Ефим". Жену Фаину и двух маленьких детей – Галину и Эдуарда – успел вывезти отец чекиста. Успел в последний момент... Войска НКВД полегли под Киевом почти в полном составе. Еврей, коммунист и чекист одновременно, Ефим Фридман знал, что в плен его не возьмут по совокупности биографических данных. Далее его судьба неизвестна. Только лаконичная запись на сайте общества "Мемориал" – "пропал без вести в июле 41-го года"...

Эти фотографии едва ли станут предметом аукциона. Да их никому продавать и в голову не придет... Это – особое личное достояние. Мой сын расскажет эти истории моим внукам, а те – своим детям. По сути дела так и творится история – от одного к другому, а потом дальше в вечность, через поколения к следующим поколениям передается память о былом, а затем становится легендарной.

